

Содержание

<i>Введение</i>	7
1. Продолжайте	11
2. Начните	29
3. Испытание 10 000 часов	45
4. Грация и благодать	69
5. Найдите правильную позицию	91
6. Искусство скольжения	105
7. Хватит думать	117
8. Попадать не целясь	149
9. Тайные законы внимания	177
10. Сила грез	215
<i>Заключение</i>	241
<i>Примечания</i>	245
<i>Библиография</i>	247
<i>Благодарности</i>	249

Введение

Эта книга родилась в результате беседы с моим редактором Эльзой Лафон. Вернее, с моей приятельницей Эльзой Лафон, поскольку в тот момент мы не работали, а ужинали. Никакие профессиональные темы мы не обсуждали — то есть не пытались наметить очертания проекта или обсудить условия контракта. Это был разговор ради разговора за самым обычным семейным ужином и бутылочкой хорошего вина. К слову, я даже не могу вспомнить, о чем мы говорили. Может, о детях, которые носились по дому, хотя им пора было спать. Знали бы вы, как мы измучились, призывая их к порядку, причем безрезультатно... Потом мы решили, что, пожалуй, лучше всего оставить детей в покое и дожидаться, пока они набегаются и устанут, — все равно рано или поздно это произойдет. В конце концов, вечер был в некоторой мере особенный — на следующий день начинались школьные каникулы. Что может быть приятнее для ребенка, чем заснуть на диване под разговоры взрослых? Лечь спать поздно — лечь счастливым. Так и рождаются теплые воспоминания... «Ты абсолютно прав, — сказала Эльза. — Зачем лишний раз напрягаться? Давай еще по бокальчику».

Вскоре дети заснули — без каких-либо усилий с нашей стороны. Мы даже не сразу это заметили. «Ну вот, легче легкого», — улыбнулась Эльза. Видимо, в тот момент мы и заговорили на эту тему. Легкость — удивительный предмет. Нам вечно кажется, будто для достижения сколько-нибудь ощутимых результатов нужно прикладывать невероятные усилия. Нужно страдать ради красоты и усердно трудиться ради всего на свете — чтобы соблазнить женщину (или мужчину), научиться играть на пианино или в теннис, заговорить на иностранном языке. Даже психологи говорят о «работе над собой» — ведь нас с детства учат, что за все нужно платить: «без труда не выловишь и рыбку из пруда», ничего не дается просто так.

Но я уверен в обратном. В некоторых случаях усилия не только бесполезны, но и вредны. К примеру, еще никто не стал красивее от страданий. (Если, конечно, человек не получает от них удовольствие.) Красота — это скорее умиротворение, спокойствие и гармония с собой. Нет-нет, я не говорю, что вообще не нужно прилагать усилия — никогда и ни к чему. Просто есть цели, которых можно достичь лишь окольными путями. Оставив любые попытки без какой бы то ни было задней мысли. Перестав стремиться. Другими словами, действуя *легко*. Возьмем, например, обольщение. Что может быть менее соблазнительным, чем человек, который изо всех сил пытается вас соблазнить? Это чересчур прямолинейно: не остается места ни воображению, ни непринужденности. Любая попытка обречена на провал. Строго говоря, соблазнитель проиграл еще до того, как начал

действовать. Все очевидно: человек, который пытается понравиться, становится неловким — а это как раз то, чего хочется избежать. Но верно и обратное: что может быть соблазнительнее, чем тот, кто не разыгрывает спектакль, а просто рад находиться рядом с вами и вести себя естественно? Соблазнение — искусство добиваться успеха без усилий. Все дело в шарме. Результат в этом случае тоже известен заранее — и мы это понимаем. Искра между двумя людьми или вспыхнет, или нет. Так зачем же стесняться или терять дар речи рядом с объектом своих желаний? Это ведь не цель, которой нужно добиться, и не вершина, которую нужно покорить.

Давайте рассмотрим другой пример: приготовление пищи. Представьте, что за увлекательным разговором с подругой вы забыли выключить газ под шкварчащей сковородкой. Что ж, теперь лук вкусно карамелизуется. К мытью посуды это тоже относится: если что-то пригорело, многострадальную сковородку проще замочить, чем яростно оттирать. Повторюсь: я не говорю, что *никогда* не нужно яростно оттирать запачканную посуду. Просто важно знать, когда это бесполезно или бессмысленно. Позволить времени сделать часть работы не означает сидеть сложа руки. Это означает действовать эффективно.

Мне нравятся «аэропортные» книги — те, которые покупаешь прямо перед вылетом и считаешь, то и дело глядя в иллюминатор. Такие книги не завладевают вниманием полностью, но незаметно меняют и наше поведение, и наш взгляд на окружающий мир. Не совсем философия, не совсем публицистика, не совсем «литература саморазвития». Это скорее журналистика

идей — а-ля Малкольм Гладуэлл*, который проявляет интерес к какой-то концепции, изучает, как она меняет нашу с вами жизнь, и пишет об этом статью или книгу. Если бы я решил опубликовать «аэропортную» книгу, то посвятил бы ее легкости...

И тут Эльза поставила бокал на стол: «Отлично, и когда же мы публикуемся?»

В тот вечер и родилась эта книга: за дружеским ужином, в ходе беседы, которая, казалось бы, ни к чему не вела. Она появилась на свет в той же манере, которой и посвящена: с легкостью. Не было какого-то специального «проекта», усилий, договоренностей о намерениях, переговоров; никто никого ни в чем не убеждал. Все было очевидно. Это книга, которую вы сейчас держите в руках. Надеюсь, она справится со своей задачей так же, как и была написана: без усилий. Хочу, чтобы вы почувствовали исходящий от нее дух легкости и живости — такой же, как у разговора, который вдохновил на ее создание.

---

* Малкольм Гладуэлл (р. 1963) — англо-канадский журналист, поп-социолог. С 1987 по 1996 г. работал журналистом в *The Washington Post*, возглавлял нью-йоркское бюро газеты. С 1996 г. является штатным автором культового журнала *The New Yorker*. Приобрел известность благодаря своим книгам «Что видела собака» (М.: Альпина Паблишер, 2022), «Переломный момент» (М.: Альпина Паблишер, 2023), «Сила мгновенных решений» (М.: Альпина Паблишер, 2023), «Гении и аутсайдеры» (М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023).

Продолжайте

*Такое чувство,
будто ничего еще не началось.*

АЛЬБЕРТО ДЖАКОМЕТТИ

Самое сложное — начать. С какой стороны подойти? В каком порядке делать? Таких вопросов не возникает, когда вы общаетесь с кем-нибудь за бокалом вина. Вы просто говорите то, что хотите сказать, и совсем не думаете о последовательности. Разговор течет сам собой, и его просто нужно поддерживать. Но с писательством все по-другому: как только приступаешь, появляются сложности. Скажу откровенно: я переписывал начало книги бесчисленное число раз — даже не помню сколько. Зачеркивал и начинал заново. Всем известен миф о певце и музыканте Орфее, который отправился в подземное царство спасти жену Эвридику. Я, подобно Орфею, тоже оглядывался назад — теряя все, что мне удалось выхватить из небытия. Однако в случае с Орфеем Аид, бог подземного царства, был предельно честен: «Орфей, раз уж ты так прекрасно играешь на флейте, я сделаю единственное исключе-

ние и позволю тебе вернуть жену из царства мертвых. Но при одном условии — ты не должен оборачиваться и смотреть на нее, пока вы не выйдете на свет. Ни разу. Согласен?» Яснее ясного. Никакого текста мелким шрифтом в контракте. Все обговорено, пусть условие и кажется немного странным. Почему, спрашивается, Орфею нельзя смотреть на жену? Это правило так и тянет нарушить, правда? Однако греческие мифы — это не просто рассказы: они пронизаны мудростью, но в доступной форме. И в этом случае совет очевиден: если хочешь добиться цели, не думай ни о чем другом. Иди вперед и не оглядывайся.

Почему? Вы и сами знаете ответ. Потому что иначе закрадываются сомнения и вы спотыкаетесь, теряете темп. Перестаете действовать и доверять чутью, погружаясь в размышления. Засомневались — проиграли. Это касается и робкого влюбленного, и канатоходца над землей, и официанта с подносом. Канатоходец всегда смотрит прямо вперед — не вниз, не вбок, не вверх. Он будто цепляется взглядом за невидимую нить, которая его поддерживает. Официант рискует куда меньше, но тоже вынужден держать равновесие, пока идет вперед с подносом, заставленным хрупкой посудой и напитками, которые вот-вот прольются, и расчищает себе путь, то и дело покрикивая: «Разрешите!» Должно быть, Моисей так же переходил через Красное море. Смелым судьба помогает. Не оглядывайтесь, продолжайте идти вперед.

Сегодня я приступаю к работе. Я долго (слишком долго) готовился и теперь отправляюсь в путь, не собираясь оглядываться. Зачем я это делаю? Чтобы проверить, получится ли. Надеяться, что эта книга напишет себя сама, было бы слишком, но она может родиться благодаря методу, который сама же и проповедует. Доказать своим собственным примером, что изложенные в ней советы дельные. Откуда они взялись? Я не выдумал их из головы, уверяю вас. Но я проверил каждый из них на себе. Все эти советы я почерпнул из встреч с людьми и чтения книг. Я применяю их в быту так часто, что даже не замечаю этого. Они заимствованы у философов, художников и спортсменов — а зачастую и у вымышленных персонажей. Я опирался и на тех, кто склонен действовать, и на тех, кто любит поразмышлять (иногда оба качества сочетались в одном человеке). Декарт, Монтень, Бергсон, Башляр, Паскаль, Сирано де Бержерак, Роден, Жерар Депардьё, Наполеон, Янник Ноа, Зинедин Зидан, Стендаль, Франсуаза Саган, философ Ален (Эмиль-Огюст Шартье), шеф-повар Ален Пассар, канатоходец Филипп Пети, психоаналитик Франсуа Рустан, ныряльщик Жак Майоль, пианистка Элен Гримо — вот неполный список имен. Вы познакомитесь с ними по ходу чтения. Словом, я жал на все педали.

А педали эти, как вы могли заметить, от французского велосипеда. И это не случайно. Разумеется, я и сам француз, поэтому отталкиваюсь от того, что знаю, в надежде от частного перейти к общему. Франция,

конечно, не присвоила себе понятие, о котором пойдет речь в этой книге, но есть и типично французское представление о легкости. Мы с вами тщательно исследуем это представление, а я буду стараться не угодить в ловушку интеллектуального национализма. Быть французом — значит чувствовать лингвистическую и духовную связь с местом, а не с нацией; это вопрос почвы, а не крови. Идею можно считать французской лишь в том случае, если она универсальна. Французский взгляд на жизнь доступен каждому и принадлежит всем: в этом его сила, красота и величие. По выражению поэта и драматурга Шарля Пеги, Декарт был «французским кавалеристом, который задавал темп в истории мысли». Возможно, это действительно так, однако Декарт — в отличие от Пеги, который служил и погиб в Первой мировой в звании лейтенанта, — стал солдатом не из-за патриотизма, а из-за желания путешествовать и увидеть мир. Пеги намекал, что стиль и идеи Декарта были безусловно — и исключительно — французскими, однако его метод, который делал мышление таким же простым, как и само существование, на самом деле не принадлежит никому. Утверждение «я мыслю, следовательно, я существую» очевидно и универсально. Именно поэтому немецкий философ Гегель имел полное право сказать, что Декарт — герой всей современной философии, а не только французской. Идеи принадлежат тем, кто их понимает, а методы — тем, кто ими пользуется.

Когда мы говорим «Франция», то сама Франция для нас — не более чем идея (*une certaine idee*), которая существует в общественном сознании в концентрированной

форме: «Париж». Он же, в свою очередь, представляет собой международный символ самых разных свобод, мечту мыслителей и художников. О таком Париже рассказывает Эльза Триоле, муза Луи Арагона, в работе под чарующим названием «Незванные гости»* (Le Rendez-vous des étrangers). Это Париж, где Пикассо из Испании, Шагал из России и Джакометти из Швейцарии чувствовали себя как дома и не без причин:

*Люди с Монпарнаса образовывали своего рода Иностран-
ный легион, но у них на совести не было другого престу-
пления, кроме того, что они находились вдали от своей
родины, родни, порвали со своей средой. <...> Париж
предоставил нам этот уголок. <...> Эта среда, состо-
явшая из людей, находившихся вне какой бы то ни было
среды, была такой же принадлежностью Парижа, как
собор Парижской Богоматери и Эйфелева башня. Когда
из кучки этих людей фейерверком взвизвался гений,
то слава его озаряла не какое-нибудь другое, а именно
парижское небо.*

Когда молодой китайский живописец Чжао Уцзи впервые приехал в Париж в 1948 г., он знал лишь одно-единственное французское слово, одно-единственное заклинание, сродни «Сезам, откройся». Он сказал таксисту: «Монпарнас». Он имел в виду не железнодорожную станцию, а загадочное и легендарное место, предмет грез всех начинающих художников. Там Уцзи и провел

---

* Эльза Триоле. Незванные гости / Пер. Т. Иванова. — М.: Издательство иностранной литературы, 1959.

остаток своих дней — в студии по соседству с мастерской Джакометти. Китаец по происхождению, но француз по натуре.

Вы уже поняли, к чему я веду: вовсе не обязательно родиться во Франции, чтобы почувствовать влечение к французскому образу жизни. Но что же он собой представляет? Если попытаться дать ему слишком точное описание, то мы упустим его неотъемлемое качество — способность сохранять загадочность и, следовательно, привлекательность. В XVIII в., в эпоху Людовика XIV, или Людовика Великого, выдающиеся мыслители определяли хороший вкус аристократическими фразами *je ne sais quoi* (буквально «то, не знаю что», неуловимое нечто) или *presque rien* (почти ничего), которые указывали на разницу между шедевром и всем остальным. Успех связывали не с тем, сколько в него было вложено труда, а, напротив, с отсутствием видимых усилий: с естественностью и кажущейся легкостью, с которой художник достигал своих целей. Безусловно, художник трудится, но он, как талантливый фокусник или человек с хорошими манерами, не должен этого показывать. Получается, французское искусство легкости и непринужденности, где порицается тяжелый труд, восходит к *Grand Siècle* — XVIII в., или Великому веку, — и его духу королевского двора. Буржуазное общество, порожденное революцией, по понятным причинам придерживалось противоположного подхода, яростно отстаивая ценность труда и равенство. Чтобы обратить на себя внимание, человек должен был это заслужить, а не просто родиться в нужной семье. Так что за работу, граждане! Любопытно, что пред-

ставление о легкости, в высшей степени «королевское», сохранилось. Будто революция не уничтожила королевскую власть, а распространила ее на всех, превратив каждого гражданина в монарха. «Король умер, да здравствую я!» Возможно, именно этим объясняется то, что французы недисциплинированны, капризны и так любят пожаловаться: в каждом есть королевская жилка, из-за чего человек заботится лишь о своем удовольствии. Добавьте к этому любовь к изысканной еде, острое чувство личной свободы, вкус к красоте и желание всегда быть правым. Так получается приблизительная и в то же время точная формула *je ne sais quoi*, которая придает французской душе неповторимый оттенок. Это смесь благородного высокомерия и обычной наглости, серьезности в легкомысленном и легкомысленности в серьезном. Одним словом, стремление к непринужденности, равнозначное эlegantности и наслаждению. В крайней степени такая непринужденность принимает форму «тщательной небрежности»: на ее подготовку ушли часы, однако человек ведет себя так, будто только-только встал с постели. Это намеренная «вздохмаченность»: я только что от парикмахера, но никто не должен об этом догадываться. Я провела у зеркала несколько часов, чтобы выглядеть естественно и непринужденно. Я работал над этой страницей пару месяцев, но вам должно казаться, будто я написал ее за пять секунд. Истинное изящество всегда смотрится абсолютно естественно. Важно понимать: добиться непринужденности — целое искусство. Возможно, даже вершина искусства. В мире нет ничего сложнее. За исключением, пожалуй, одного — еще более

тонкого и более трудного: не довольствоваться видимостью непринужденности, а ощущать ее внутри, жить ею. Она должна присутствовать не в виде вспышек, кратких моментов благодати, а постоянно и неотъемлемо. «Удовольствие — это легко, но нужно научиться быть счастливым», — говорил Гастон Башляр. Перейти от удовольствия к счастью — задача сложная. Башляр преподавал в Сорбонне: его отличали длинная белая борода, делавшая его похожим на Мерлина, лукавый взгляд и огромная тяга к творчеству, дружбе и поэзии (это были его личные ингредиенты рецепта счастья). В этой книге я познакомлю вас с методом Башляра — и методами других людей, поскольку не существует единого пути к счастью. Некоторые из них пересекаются. Я надеюсь, посягнув на ваше время, указать вам на те пути, которые, на мой взгляд, заслуживают внимания — во всех смыслах этого слова.

* * *

Я начал эту главу с утверждения, что приступить к делу — самое сложное. Забавно, но это вдвойне справедливо для книги о легкости и непринужденности. Любой автор оттягивает начало, долго готовится, ждет вдохновения. Но полная и глубокая готовность недостижима. Дело не в недостатке мужества или силы воли. Просто это так устроено. Иначе и быть не может. Человек должен быть богом, который может начать — и из ничего сотворить все, опираясь на свой внутренний мир. Не стоит расстраиваться из-за творческого кризиса, пресловутого страха чистого листа или колебаний —

посвящать ли себя делу целиком и полностью. Начать просто невозможно. А уж закончить... Вот, например, скульптор Альберто Джакометти: он вообще ничего не мог завершить. Приходилось буквально врывать к нему в мастерскую, выхватывать у него скульптуры и отправлять их в литейную мастерскую перед выставкой. Когда его спрашивали, почему так получается, он спокойно объяснял: невозможно закончить то, что не начато. «Если я создаю скульптуру, то лишь затем, чтобы покончить с ней, причем как можно быстрее», — говорил Джакометти. «Но вы же все равно приступаете к следующей», — возражали ему. Джакометти пожимал плечами: «Ну да. Но мне никогда не удастся по-настоящему начать». (Очень логично, наверняка думал собеседник.) «Ни разу еще не начал... Но если бы у меня получилось, то, наверное, все почти сразу бы и закончилось»¹. Похоже, одинаково невозможно и начать, и закончить. Но есть способ с этим справиться — ведь Джакометти творил, и его работы существуют... даже если сам он так не думал: «Может, работа — это лишь прикрытие для одержимости, одной из многих, присущих людям, когда приятно просто возиться с глиной и не особенно рассчитывать на успех».

Волшебное решение действительно есть. Оно невероятно простое, рассказать о нем можно в двух главах — и даже в двух словах. Если я поделюсь этим решением прямо сейчас, то вы можете закрывать книгу и сразу проверять метод на практике — чтобы не тратить время напрасно. А я в любом случае продолжу писать — из уважения к всеобщему представлению о писательском

ремесле. Но, пожалуйста, не стесняйтесь и не тревожьтесь: смело оставляйте меня одного и отправляйтесь пожинать плоды новообретенного знания как можно скорее.

Никогда в жизни я не читал и не слышал ничего полезнее. Совет уместается в две строки из книги философа Алена (он же Эмиль-Огюст Шартье: преподаватель, писатель, воин). Что ж, хватит нагнетать. Вот эти строки: «Все учение о действии можно уместить в две главы — каждая из одного слова. Глава первая: продолжайте. Глава вторая: начните. Большинству из вас порядок покажется странным, но в этом-то вся суть». Два слова: продолжайте, начните. Именно в этом порядке. Вот главная идея. Важнее продолжать, а не начинать. Спасибо. Приятно было с вами познакомиться. До свидания. Всего хорошего.

* * *

Обращаюсь к тем, кто решил задержаться и узнать побольше: должен вам кое в чем признаться. Первое, что я прочитал у Алена, — книжка «Мысли о счастье» (Propos sur le bonheur). Я взял ее в муниципальной библиотеке городка Йер-ле-Пальмье летом перед выпускным классом. Как и положено в этом нервном и склонном к драматизации возрасте, я надеялся, что найду там некую заумь и грандиозные идеи, но меня ждало разочарование. Текст состоял из банальностей и «жизненных советов», конкретных примеров было немного. Лишь через несколько лет мне удалось пересмотреть свое предвзятое отношение и по достоинству оценить меткость Алена. Некоторые считали, будто он пишет

слишком уж гладко, а гладкость не может быть глубокой. «Усилия, направленные на достижение счастья, никогда не бывают напрасными». Чтобы по достоинству оценить такое изречение, нужно набраться жизненного опыта, согласиться. Счастье — это просто, оно на расстоянии вытянутой руки, говорит нам Ален. Идея отнюдь не очевидная: нам-то кажется, что все как раз наоборот. Мы-то знаем, что в жизни ничего не дается легко. Разве мы не мечтаем о легкости именно потому, что она недостижима? Когда мы ощущаем беспомощность, бессмысленность всего на свете, собственную бездарность? Когда у нас нет сил на принятие необходимых решений? Когда заканчиваются варианты этих решений? Или — в самом общем случае — когда мы не понимаем, что дальше делать со своей жизнью? Жить и действовать проще, чем кажется. И это вам говорит человек, который любит работать. Ален не дилетант и не бездельник. Он — человек действия, просто настроен философски. Он не советует отказываться от усилий — он объясняет, на что их направить, к чему приложить. Идея довольно простая: «Все уже началось, остается только продолжать. Определитесь, где вы находитесь и куда собираетесь двигаться. Все решения по поводу будущего — в вашей голове. Продолжайте делать то, что делаете, — с каждым разом лучше и лучше».

Когда мы живем, мы захвачены опытом и вовлечены во взаимодействие с миром. Мы уже постоянно находимся в действии. Поэтому начинать не требуется: достаточно просто продолжать. Не нужно принимать серьезных решений. Ален иллюстрирует свою мысль наиболее

близким ему примером — писательским ремеслом — и приводит слова Стендаля, который признавался, что потерял 10 лет жизни в ожидании вдохновения.

Даже в 1806 году я ждал идеального момента, чтобы сесть писать. <...> Если бы я рассуждал о своих писательских планах в 1795 году, какой-нибудь рассудительный человек мог сказать: «Пишите каждый день по часу или по два. И не обращайтесь внимания на вдохновение». Последуй я такому совету, десять лет жизни прошли бы лучше, чем в ожидании музыки.

Другими словами, если желаете научиться писать, содержание не имеет значения. Важен сам процесс. Чем больше вы пишете, тем лучше вы пишете. «Так я и уловил один из секретов писательского мастерства, — делится Ален. — Не зачеркивайте, не останавливайтесь: начатое предложение лучше несуществующего. Если фраза вышла неуклюжей и корявой, это станет для вас уроком»².

Жан Прево, писатель, участник французского движения Сопротивления и ученик Алена, тоже полагался на опыт Стендаля: «Писатель, который редактирует свой текст по ходу написания, сталкивается с трудностями после первого черновика. Того же, кто импровизирует, сложность поджидает до начала письма. <...> Нам не угнаться за Стендалем, когда тот берется за дело. Он всегда продолжает или возобновляет работу»³. Чтобы писать было легко, нужно постараться ни в коем случае не начинать писать. Стендаль с этой целью с удовольствием переписывал чужой текст, переводил, возвра-

шался к старым черновикам, странице в дневнике или описывал произведение искусства: словом, делал что угодно, лишь бы отложить начало: «Мой дух подлинный лентяй, — говорил Стендаль. — Он и рад зацепиться за любое дело, что проще письма».

Чему мы можем поучиться у Стендаля? Не все хотят стать писателями. Но, как говорит Алэн, не стоит отмахиваться от писательского искусства:

Это навык, который пригодится в любой профессии. Мы тратим слишком много времени на то, чтобы стереть написанное и начать сначала. Вычеркивание не уберезет вас от будущих вычеркиваний. На самом деле верно обратное: ведь у вас может войти в привычку писать так, как заблагорассудится, держа в голове, что всегда можно вернуться к написанному и все исправить. Черновики портят рукопись. Попробуйте другой подход: сохраняйте ошибки.

«Сохранять ошибки» — продолжать писать, а не возвращаться к предложению, чтобы его поправить. Например, оставить не самую удачную фразу — а следующую начать со слов: «Или, вернее сказать...» Продолжайте. Действуйте, не оглядываясь на сделанное. Может показаться, что писать и не исправлять — сложное упражнение, но вы попробуйте. Вы отказываете себе в праве на ошибку и боитесь, что вас буквально парализует невозможность вернуться и отредактировать предложение? Все наоборот: дело не в том, чтобы сразу писать идеально. Писательский труд — это не нанизывание друг на друга идеальных предложений. Писать — это

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru